

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛЯ ПОЛИТИКИ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается взаимодействие журналистики и политики в аспекте влияния логики журналистского дискурса на отбор и интерпретацию в медиатекстах событий, персонажей и концептов из поля политики.

Ключевые слова: медиатекст, дискурс, дискурсивные практики, персонаж СМИ.

Журналистика и политика всегда тесно взаимодействуют. Мы рассматриваем это взаимодействие в аспекте, исключающем внимание к качествам конкретных людей, будь то журналисты или политики. Нам интересны их практики, заданные безличными и анонимными правилами функционирования поля политики и журналистского дискурса.

Дискурс понимается как социально заданный механизм организации коммуникации, который формируется надындивидуальными практиками передачи сообщений. Практики постоянно воспроизводятся коммуникантами и фиксируются в корпусе текстов, созданных по правилам дискурса [Филлипс, Йоргенсен, 2008; Фуко, 1996а; Чепкина, 2000]. Дискурсивные практики – формы сохранения и реализации коммуникативного опыта. Они отличаются стабильностью, в том числе потому, что каждый владеющий практикой воспроизводит ее многократно, и потому, что они доступны внешнему наблюдателю, так как фиксируются в текстах.

Определим понятие поля политики, опираясь на теорию П. Бурдьё: поле «есть место сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей это поле» [2002. С. 108–109].

Понятие поля – инструмент исследования, дающий возможность рассматривать социальные объекты, делая акцент не столько на конкретных людях (единичных агентах), сколько на пространстве отношений между ними [Там же. С. 109].

Центральная проблема политического поля – власть, вплоть до архаического, почти обожествляющего отношения к власти в тоталитарных и авторитарных режимах. В русле политической философии и политологии сегодня актуальны вопросы не *что* есть власть или *кто* ею обладает, а *как* она действует, каковы ее технологии и механизмы – поворот, во многом заданный М. Фуко [1996б; 2005]. Важно, что вопрос *как* отвергает субъект-объектную логику анализа власти. Власть все чаще рассматривается как универсальный механизм регуляции социальной жизни, который нельзя свести только к политической и государственной формам [Фуко, 2005].

Специфика функционирования власти в информационном обществе показана в первую очередь в исследованиях М. Маклюэна [2003], Ж. Бодрийяра [2003], Д. Ваттимо [2003], П. Вирилио [2002]. Политика все больше становится виртуальной. Говорят о медиакратии, когда власть реализует себя в первую очередь не через идеологические конструкты, а с помощью медиаобразов. Происходит масштабная визуализация социального пространства. Сегодня все труд-

нее различать власть и образы власти, реального политика и его имидж, изготовленный политехнологами специально для потребления в сфере электронных СМИ. Хотя, конечно, действительное исполнение власти невидимо, существует политическое зазеркалье, скрытое от посторонних глаз. Но СМИ, по крайней мере относящиеся к медийному мейнстриму, рассчитанному на самую широкую аудиторию, эту двуслойность современной политики успешно маскируют.

Поле политики в современном мире существенно увеличило свою зависимость от медийных технологий и активно взаимодействует со СМИ. С одной стороны, СМИ – традиционное поле реализации публичной политики, и в идеале журналистика может быть для общества и политиков одной из площадок для самопознания, где журналисты и аудитория публично задают политикам вечные вопросы о свободе, демократии, толерантности... С другой – благодаря масс-медиа политика стала во многом восприниматься как шоу, зрители которого – все мы. Процессы медиатизации политики привели к тому, что сегодня авторитетный политик – это тот, кого часто показывают по телевидению и упоминают в других медиа. СМИ давно стали важным фактором политической борьбы: политики ищут легитимации со стороны масс-медиа, их внешней поддержки. Политики стремятся быть замеченными журналистами, заинтересованы в личном знакомстве с ними. Но популярность среди журналистов невозможна без специальной заботы об информационных поводах, интересных для СМИ. От политиков требуется готовность к компромиссу – учет того, что журналисты склонны считать важным, а что – не очень, кто для них выглядит экспертом, а чье мнение не имеет веса.

Одновременно сами СМИ становятся объектом влияния и контроля со стороны отдельных политиков и поля политики в целом. Идет борьба за их символическую власть: возможность давать имена социальным явлениям и классифицировать их, распространять некоторые из возможных моделей организации государства и общества как истинные и безальтернативные. СМИ, контролируемые государственной властью, уделяют преимущественное внимание задачам легитимации этой власти, созданию ее

привлекательного образа, трансляции форм и способов самообоснования власти.

Поле политики структурируется субъектами разной степени генерализации, от микроуровня (индивиды) до макроуровня, где речь идет о таких субъектах, как государство и крупные политические институты. Причем в эпоху медиатизации политики одной из главных проблем политических субъектов всех уровней становится установление различий, позволяющих их идентифицировать: «Перестать различаться – это проблема центра в поле политики – значит перестать существовать, и нет ничего более опасного, чем сходство, растворяющее вас в тождестве» [Бурдые. С. 127–128].

Различия на уровне крупных политических институтов чаще всего выстраиваются через их персонификацию, когда целый институт ассоциируется с одним или несколькими конкретными людьми. П. Бурдые подчеркивал, что это можно увидеть в том числе «на примере монополизации на право публичного выступления: сначала его делегируют парламентариям, которые его делегируют официальному представителю, и т. д. В результате мы получаем четыре или пять официальных представителей (что на руку средствам массовой информации), постоянно присутствующих на телевидении, которые присваивают себе своего рода монополию на доступ к средствам легитимного распоряжения способами видения мира (что и является определением политического действия)» [Бурдые. С. 117].

Основная проблема конструирования поля политики в дискурсе СМИ связана с тем, что журналистский дискурс имеет собственную логику отбора и интерпретации событий и персонажей, конструирования концептов, актуальных в контексте борьбы значимых для общества политико-идеологических смыслов. В связи с этим логика самого политического поля и его ведущих практик может существенно трансформироваться в контексте дискурса СМИ.

Мы хотели бы обратить внимание на три актуальных направления конструирования журналистами поля политики:

- отбор событий как информационных поводов и практики интерпретации этих событий;
- практики выбора и представления персонажей из поля политики;

- практики конструирования концептов, одинаково важных для поля политики и журналистского дискурса.

События в поле политики интересны для СМИ как источник интересных информационных поводов, подчас довольно драматичных. Политика всегда была сферой противоречий, борьбы человеческих интересов, накала страстей. Если же изначальный драматизм происходящего невелик, медийная логика журналистского дискурса имеет хорошо сформированные механизмы дополнительной, усиленной драматизации. В основе журналистского выбора лежит поиск сенсационного, но так как реальные сенсации встречаются не каждый день, медиадискурс склонен к усилению драматизма – изображению события с преувеличением его значения, серьезности, иногда трагичности. Такие практики опираются на логику постоянной конкуренции за внимание аудитории, за присвоение того, что должно ее привлекать в первую очередь – эксклюзивная информация, известные имена и т. д. Соревнование за наиболее изощренное и парадоксальное неизбежно ведет к преувеличениям.

Рассмотрим в качестве иллюстрации заметку с сайта «Комсомольской правды» под заголовком «Удар ниже пояса: экс-президента Израиля сажают за секс с секретаршами»¹. Скандальность содержания дополняется драматическими подробностями в первом абзаце: *Обвиняемый в изнасилованиях и домогательствах Моше Кацав, по слухам, готов наложить на себя руки. «Я сломлен, я – в отчаянии. Мне затыкали рот! Вы делаете ошибку! Девушки знают, что это ложь!» – бился в истерике экс-первый гражданин Израиля. А его сыновья уже летели с кулаками отвести душу – не на судье, так хоть на прессе. 22 марта стало новой вехой в истории Израиля – впервые экс-президента отправляют за решетку.* Политический смысл этой новости невелик, да и новость не первой свежести: процесс над М. Кацавом шел давно, и СМИ о нем писали. Но зато информация о первом лице государства (пусть бывшем) сведена на скандально-бытовой уровень и способ-

на привлечь внимание самых далеких от политики читателей: есть возможность и позлорадствовать, и посочувствовать – а вдруг угроза самоубийства реальна?

Относительно российских чиновников сенсации чаще выглядят скромнее, но и здесь работают те же средства драматизации. Анонс главных публикаций при входе на сайт информационного агентства ura.ru 2 апреля 2011 г. включает заголовок: «Бердников – “жертва” реформы МВД»². Слово *жертва* рисует драматическую нарративную ситуацию, правда, то, что использованы кавычки, делает ее несколько мягче. Заголовочный комплекс самого текста уже более спокойно оценивает судьбу персонажа, зато содержит элемент угрозы для других чинов МВД: *Отстраненный от должности генерал-майор Бердников – «жертва» реформы МВД. Правда, из органов он не уходит. Но это знак для всех других – замначальников региональных главков.*

Драматизм подачи одного-единственного факта часто возникает за счет того, что в новостях события ограничены настоящим моментом и отрезаны от своих причин и следствий. В итоге ежедневные новости создают обрывочную и непоследовательную картину мира. Впрочем, в этом отношении журналисты действуют в унисон со склонностью самих политиков, в частности представителей государственной власти, в информировании СМИ о своих решениях делать упор на быстрореализуемые, эффективные меры. В последнем примере увольнение некоторых руководителей МВД – часть реализации заявленных государственной властью масштабных структурных изменений правоохранительной системы, знаком которых стало переименование милиции в полицию. А наибольшее внимание СМИ получили конкретные увольнения в ходе переподготовки милицеевских чинов. Глубокий анализ преобразований в полном масштабе требует от журналистов значительных затрат времени, сил, высокой квалификации, к тому же он не слишком интересен для широкой публики, в результате такой анализ вне логики сенсации – прерогатива немногочисленных качественных СМИ.

¹ Чинкова Е. Удар ниже пояса: экс-президента Израиля сажают за секс с секретаршами // Комсомольская правда. 2011. 2 апр. URL: www.kp.ru/daily/25662/824314/

² Сайт информационного агентства ura.ru. URL: <http://ura.ru/content/svrd/01-04-2011/news/1052127256.html>

Логика погони за сенсацией в освещении политических процессов заслуженно критикуется и исследователями СМИ, и частью самого журналистского сообщества. Так, в ноябре 2011 г. многие российские СМИ публиковали сообщения о том, что трудовые мигранты из Таджикистана совершают в России множество преступлений, а также являются источником распространения опасных инфекций. При этом они ссылались на официальные заявления представителей власти. Всплеск внимания к таджикским мигрантам был спровоцирован конфликтом между Россией и Таджикистаном в связи с тем, что два российских летчика были приговорены судом Таджикистана к длительным тюремным срокам³. Последовавшая затем реакция СМИ вызвала негативное отношение со стороны журналистов, специализирующихся на анализе проблем, связанных с трудовой миграцией. В «Обращении журналистов – членов МедиаСети Региональной программы по трудовой миграции в Центральной Азии и России» сказано: «Судя по всему, конфликт из-за суда над летчиками идет к концу – власти России и Таджикистана между собой как-то договорятся, травля ни в чем не повинных таджикских мигрантов вскоре прекратится, да и выборы пройдут, но сам факт, что такое беззаконие происходило у нас на глазах и было дозволено, не может пройти бесследно для нравственного и политического климата в России... Наше письмо продиктовано тревогой, что все это делается и нашими руками, уважаемые коллеги! Благодаря нашей спешке в погоне за сенсационными новостями, нашему ленивому нежеланию подумать и поднять документы, нашей боязни задать властям острый вопрос. Между тем наш гражданский долг – упорно и компетентно оспаривать критически опасные решения власти... Дорогие коллеги-журналисты! Когда мы пишем о трудовой миграции, надо понимать глобальный контекст этого явления, владеть статистикой, иметь представление о международных стандартах. Источник этой информации – независимые эксперты, правозащитники, сами мигранты, среди которых не так уж мало активных и образованных людей. Нужно давать слово им – предоставляя обществу альтернатив-

ную точку зрения и напоминая чиновникам, какой век стоит сегодня на дворе»⁴. Попытка саморегуляции внутри профессионального сообщества проблемы соотношения сенсационного и ответственного, взвешенного и аргументированного подхода к освещению острых социальных вопросов указывает на высокую ценность в границах журналистского дискурса сенсационной информации и практик ее поиска и публикации.

Персонажи из поля политики привлекательны для дискурса СМИ возможностью персонификации тех событий и общественных процессов, которые сами по себе не обещают безусловного внимания со стороны аудитории. Многие проблемы попадают в информационную картину дня лишь благодаря тому, что по их поводу высказались первые лица государства. Так, газета «Комсомольская правда – Екатеринбург» (19.03.2011) выносит в заголовок текста о заседании коллегии Министерства обороны по поводу реализации государственной программы вооружений цитату из речи президента: *Дмитрий Медведев: «Чтобы не напортачили и жулики не присосались»*. Президент будет лично контролировать поставку вооружений в армию. Стилистически сниженная лексика в заголовке, разумеется, тоже способствует привлечению внимания к рядовому, в общем, событию в работе органов государственной власти.

Логика персонального представительства в масс-медиа политических субъектов макроуровня приводит к тому, что, например, парламентская, системная оппозиция представлена в СМИ почти исключительно лидерами партий: от имени КПРФ чаще всего высказывается Геннадий Зюганов, от ЛДПР – Владимир Жириновский. Они же, кстати, традиционно дают журналистам комментарии в качестве представителей российского парламента. Типичный пример – опубликованная множеством СМИ новость о том, как отозвался В. В. Жириновский о землетрясениях и последовавших техногенных катастрофах в Японии в марте 2011 г. Прочитавшем один из текстов: *Вице-спикер Госдумы РФ Владимир Жириновский предложил переселить жителей Японии в Россию для спасения их нации, – сообщает ИА РБК*

³ См., например: сайт РИА Новости. URL: <http://ria.ru/society/20111117/491021744.html>

⁴ Сайт Грани.Ру. URL: <http://grani.ru/blogs/free/entries/193238.html>

со ссылкой на «РСН». Лидер ЛДПР выразил опасение, что население японских островов может погибнуть из-за природных или техногенных катастроф⁵. Указание официального статуса источника информации увязывает его мнение с позицией парламентской партии.

Логика взаимодействия политических персон со СМИ часто приводит к тому, что заявление политика может иметь первой целью именно возможность стать информационным поводом для журналистских сообщений. Любопытной иллюстрацией на этот счет служит новость под заголовком «Миронов на встрече с Путиным предложил отменить презумпцию невиновности для коррупционеров»⁶. Предложение отказаться от одного из базовых правовых принципов, конечно, своего рода сенсация. Подробности следующие: *Глава Совета Федерации, лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов предложил премьеру Владимиру Путину подумать о введении конфискации имущества не только у чиновников-коррупционеров, но и у членов их семей, при этом презумпция невиновности должна быть отменена. «...если чиновник попадается на таких неблагоприятных делах, как взятка, то конфискуется все имущество, а потом пусть родственники доказывают, что это имущество приобретено законно. Если докажут – им вернут, не докажут – все остается в казне государства», – сказал Миронов.* Далее из текста следует, что премьер-министр не выразил одобрения высказанному предложению, и становится ясно, что вряд ли у этого заявления возможны иные последствия, кроме упоминания в СМИ о политической активности Сергея Миронова.

Концепты, значимые в поле политики, как правило, являются источником конструирования популярных идеологем и их интерпретаций в СМИ. Дискурс СМИ и политический дискурс в таких случаях совместно реализуют власть номинации как возможность задавать ракурс видения социального мира. Речь о политике в журналистском дискурсе всегда вписана в идеологиче-

ский контекст в целом. Идеология в широком смысле определяется как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности» [Современный..., 1998. С. 326]. В эту совокупность входят идеи, относящиеся к политике, философии, этике, праву, религии, эстетике, поэтому легко понять, что идеология пронизывает всю социальную жизнь. Политики и журналисты, в равной мере профессионально владеющие мастерством объяснения и публичного выступления, «работают над экспликацией принципов видения», борются «за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира» [Бурдье, 2002. С. 123].

Приведем типичную иллюстрацию. Следствием подчеркнутой персонификации политических процессов в современных российских СМИ стало выдвигание идеологемы *личный контроль* на роль ключевой категории интерпретации событий, которые СМИ подают как самые важные в мире политики. Вот как «Известия» (21.03.2011) информируют своих читателей о поездке главы российского правительства на Дальний Восток: *Премьер-министр Владимир Путин побывал на Сахалине. Он убедился в том, что радиационный фон в норме, и дал всем службам задание быть в полной готовности на случай, если ситуация на японской АЭС «Фукусима-1» выйдет из-под контроля... – Я радиации не боюсь, – сразу же успокаивается молодая мама Оксана. – Да и чего нам бояться? Поехал бы сюда Путин, если бы реальная угроза здоровью была?*

Аналогично информирует об этой поездке и «Российская газета» (21.03.2011): *Владимир Путин убедился, что Дальнему Востоку не грозит радиоактивное заражение... Несмотря на постоянные заверения МЧС и местных властей, Дальний Восток охватила небольшая радиационная паника. Чтобы доказать, что оснований для беспокойства нет, в ближайший к Японии российский регион – на Сахалин – приехал премьер-министр Владимир Путин... «На месте хочу убедиться, что контроль за ситуацией в России налажен должным образом», – пояснил он. Выслушав чиновников,*

⁵ Сайт yahoo-analytics.net. URL: <http://yahoo-analytics.net/novosti/zhirinovskij-predlozil-pereselit-yaponcev-v-rossiyu-2/>

⁶ Сайт newsru.com. URL: www.newsru.com/russia/02apr2011/mirputin.html

губернаторов и экспертов, премьер сделал вывод: все прогнозы отечественных специалистов после аварии сбылись, и все службы сработали так, как и должны были работать в данной ситуации. Мы видим, что тексты построены так, как если бы информация непосредственно от служб, контролирующих радиационную обстановку, не обладала необходимой степенью достоверности, и только личные заверения председателя правительства, только его личный контроль ситуации могут придать необходимую степень истинности сообщениям, что угрозы здоровью жителей Дальнего Востока нет.

Аналогичным образом российские СМИ изо дня в день рассказывают о личном контроле важных государственных вопросов со стороны президента России: *Сейчас абсолютно все без исключения сотрудники МВД проходят переаттестацию, которая должна завершиться к 1 июня. Прошедшие ее милиционеры будут приняты в штат полицейских. Несколько дней назад президент РФ Дмитрий Медведев заявил, что теперь, вне зависимости от итогов переаттестации, он будет лично изучать дело каждого высокопоставленного силовика и принимать решение по каждому отдельному случаю*⁷.

Таким образом, логика персонификации действий государственной власти привела к созданию в современных российских СМИ такой картины политической жизни, когда любой значимый вопрос требует личного контроля двух первых лиц государства, а компетентность и ответственность всего остального государственного аппарата отодвинута далеко на задний план.

Итак, журналистский дискурс подчиняет трактовку политических событий и путей решения социально-политических проблем логике медиа. Этот процесс может иметь положительный эффект, когда речь идет об организации со стороны СМИ публичного обсуждения важных политических вопросов. Но очевидна и негативная сторона такого взаимодействия: СМИ упрощают, излишне персонифицируют, скандализуют и драматизируют политическую жизнь, оставляя в стороне действительно значимые политические проблемы.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2003.
- Бурдые П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // О телевидении и журналистике. М., 2002.
- Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М., 2003.
- Вирилио П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003.
- Современный философский словарь. Лондон; Париж; Франкфурт-на/М.; М., 1998.
- Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
- Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996а.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996б.
- Фуко М.* Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005.
- Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2012

E. V. Chepkina

THE PRACTICES OF CONSTRUCTING THE POLITICAL FIELD IN THE JOURNALISTIC DISCOURSE

The paper deals with interaction between journalism and politics relating to the impact of the logic of journalistic discourse on selection and interpretation of events, persons and concepts from the political field in media texts.

Keywords: media text, discourse, discourse practices, a media person.

⁷ <http://ura.ru/content/svrd/01-04-2011/news/1052127256.html>